

Бай Ян

**ПОЭТИКА ЛЮБВИ В ЛАГЕРНЫХ СТИХАХ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА**

В статье проанализирована тема любви в стихотворном сборнике А. И. Солженицына "Тюремные - лагерные - ссыльные стихи" (1947-1953). Рассмотрены традиционные для классической русской литературы средства создания образов женщин в соотнесении с принципами художественной эстетики А. И. Солженицына. Показаны новаторские приемы в раскрытии темы любви. Определены особенности стихосложения ранней поэзии писателя. Выявлены тематические связи лагерной поэзии с прозаическим творчеством А. И. Солженицына.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/2.html](http://www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/2.html)

Источник

**Филологические науки. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 13-19. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/2.html](http://www.gramota.net/editions/2.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/](http://www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [phil@gramota.net](mailto:phil@gramota.net)

5. Колесниченко Е. Н. Типология мотивов рассказов военнопленных: к проблеме жанровой идентификации (по «Псковской летописи») Е. Д. Золотова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 9. С. 235-246.
6. Подшивалова Е. А. Лекции по русской литературе 1920-1930-х годов. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2010. Ч. 1. Революция и гражданская война в художественном сознании современников; Проблема пролетарской культуры в эстетических спорах 1920-х годов. 265 с.
7. Семенова С. Г. Мир прозы Михаила Шолохова: от поэтики к миропониманию. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 352 с.
8. Удмуртия в период первой мировой войны, 1914-1918: сб. документов / сост.: М. А. Микрюкова, Н. А. Красильникова, К. И. Куликов [и др.]. Ижевск, 2006. 300 с.

**THE THEME OF WAR IN THE UDMURT SHORT STORY WRITINGS OF THE 1920S  
(BY THE MATERIAL OF STORIES OF A. DENISOV AND D. BAZHENOV)**

**Arekeeva Svetlana Timofeevna**, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor  
**Fedorova Lyubov' Petrovna**, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor  
*Udmurt State University*  
*sveta.arekeeva@gmail.com; liubov.fedorova@gmail.com*

The article analyzes the short story texts of the Udmurt writers of the 20s of the XX century, united by the war theme. The authors prove that the events of the World War I are interpreted differently in the works by A. Denisov and D. Bazhenov. In the autobiographical story "As I Escaped from Captivity" by A. Denisov, the participant and witness of events, the war is presented in the tragic aspect; in the story by D. Bazhenov "We", in which the technique of soldiers' recollections is used, the tragicomic story line is realized.

*Key words and phrases:* the Udmurt literature; prose; war theme; character-narrator; tragic attitude to the world; tragicomic story line; irony.

УДК 821.161.1

*В статье проанализирована тема любви в стихотворном сборнике А. И. Солженицына «Тюремные – лагерные – ссыльные стихи» (1947-1953). Рассмотрены традиционные для классической русской литературы средства создания образов женщин в соотношении с принципами художественной эстетики А. И. Солженицына. Показаны новаторские приемы в раскрытии темы любви. Определены особенности стихосложения ранней поэзии писателя. Выявлены тематические связи лагерной поэзии с прозаическим творчеством А. И. Солженицына.*

*Ключевые слова и фразы:* поэтический сборник «Тюремные – лагерные – ссыльные стихи» А. И. Солженицына; тема любви; образы женщин; миропредставление лирических героев; ритм и размер ранних стихов писателя; русский национальный характер в поэзии и прозе А. И. Солженицына.

**Бай Ян**

*Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина*  
*missingapril@yeah.net*

**ПОЭТИКА ЛЮБВИ В ЛАГЕРНЫХ СТИХАХ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА**

Изучение творчества А. И. Солженицына, активизировавшееся со второй половины 1980-х годов в связи с публикацией произведений писателя в России, отражено в немалом количестве трудов. Достижения современного отечественного и зарубежного солженицыноведения закреплены в работах Ж. Нива, Л. И. Сараскиной, А. В. Урманова, Н. М. Щедриной и других [5; 8; 14; 15]. Большинство исследований посвящено анализу прозаических произведений писателя. Ранние же стихотворные опыты А. И. Солженицына пока, к сожалению, не вошли в активный читательский и исследовательский оборот, что связано с трудной судьбой написания и опубликования произведений. Впервые поэма «Дороженька» и сборник «Тюремные – лагерные – ссыльные стихи» вместе с неоконченной повестью «Люби революцию» и очерком «Протеревши глаза» были напечатаны в сборнике «Протеревши глаза» (1999) [12]. Есть издание и 2004 года с названием самой поэмы «Дороженька» [10]. Имеется электронный общедоступный вариант поэтических произведений А. И. Солженицына [7]. Стихи не входят в абсолютное большинство собраний сочинений писателя.

Только несколько работ на сегодняшний день посвящены рассмотрению различных аспектов стихотворной деятельности писателя [1; 2; 4; 6]. Становится все более очевидным, что поэзию необходимо рассматривать как часть единого творческого процесса, как звено в огромной цепи художественного мира А. И. Солженицына. Эти стихи во многом стали идейно-художественным истоком творчества писателя. Целостную картину наследия Солженицына без этой части его творчества уже невозможно представить.

Цель данной работы – определить основные приемы раскрытия любовной тематики и связанных с ней женских образов. В статье рассматриваются приемы создания писателем женских образов в поэтических произведениях 1947-1953 годов, особенности раскрытия темы любви. Эти аспекты позволяют уточнить способы воплощения национального характера в творчестве А. И. Солженицына.

Теме любви уделено, как представляется, значительное внимание в сборнике «Тюремные – лагерные – ссыльные стихи», состоящем из 28 стихотворений. И, прежде всего, надо заметить, что так же, как и другие произведения, написанные в эти годы, стихи А. Солженицына автобиографичны. Судьба лирического героя во многом создана на основе жизненных испытаний самого автора. Базируясь на своем жизненном опыте, автор писал о событиях, произошедших с близкими ему людьми и современниками, акцентируя свое внимание как художника на проблеме внутренней свободы личности и человеческого достоинства.

Уже в ранних стихотворениях писателя, как показал анализ, предчувствуется авторский замысел, реализованный в последующих произведениях, в них частично просматривается общая художественная концепция писателя, касающаяся роли любви в жизни и судьбе человека.

Тема любви зародилась почти в самом начале и развивалась на протяжении всего творческого пути писателя. Как правило, в творчестве А. И. Солженицына любовь несвободна, она вынуждена подчиняться общественной силе и историческим событиям. Любовь выступает как чувство, подчиняющееся рациональной логике. Чаще всего герои с целью самосохранения в любовных отношениях действуют, исходя больше из разумных соображений, чем из сердечно-чувственных. Любовь была психологическим фактором, поддерживающим героев в тяжелых условиях жизненной неволи. Это чувство было одной из немногих, иногда единственной, опор их внутреннего мира. Однако после длительных мучений любовные отношения почти всех героев заканчиваются разочарованием в личной сфере.

В «Лагерных стихах» тема любви явно присутствует в таких стихотворениях, как «Через две решетки» (1947), «Романс» (1947), «Отречение» (1950), «Вот и воли клочок...» (1953), «Под духмяной, дурманящей сенью джиды...» (1953), «Три невесты» (1953).

Прежде чем перейти к детальному анализу стихотворений, подчеркнем важные моменты в творческом мировоззрении писателя. Как замечено солженицыноведами, в произведениях писателя мужское миропредставление и критерии оценки являются доминирующими; художественный мир Солженицына создан на основе мужского понимания окружающей среды, а женские образы дополняют цельность мужских ракурсов. Женские образы были созданы, исходя из мужских взглядов: «...Солженицын не столько приписывает женщинам мужской взгляд на мир, сколько отражает то, что существует в действительности, что является проявлением и следствием серьезных деформаций, происходящих в современном обществе» [14, с. 84]. И женские образы Солженицына – образы, растворившиеся в мужском мире, они являются не настолько стереоскопическими, многогранными, как мужские. По сравнению с мужскими образами женские образы в большей степени являются плоскими, второстепенными, способствующими созданию цельности художественной структуры, «играют символическую роль, важную, “производную” от мужской судьбы» [5, с. 52].

Значительное большинство женских образов Солженицына обладают духовной красотой, высокой нравственной силой. Женские образы у писателя продолжают классическое представление русской литературы о достоинстве женщин. Присущие им положительные качества соответствуют христианским требованиям целомудрия женского поведения.

Женские образы писателя неоднотипные, но у некоторых женских персонажей найдутся общие черты, которые напоминают других созданных писателем героинь. А. В. Урманов заметил, что в позднем творческом периоде Солженицына «образ женщины-жены занимает особенно важное место, это едва ли не самая распространенная разновидность женских образов...» [14, с. 81]. Однако в раннем поэтическом творчестве, на наш взгляд, существует больше разновидностей персонажей, таких как женщины-жены, женщины-матери, женщины-невесты. И в то же время автор уделил внимание девушке-комсомолке, дочери крестьянина и другим женским характерам. Особенно интересно, что образы лирических героинь продолжали совершенствоваться в написанных автором позже прозаических произведениях, где писатель как будто раскрыл другие ракурсы описания героинь и расширил способы изображения их внутреннего мира, отчего художественные образы стали многогранными, насыщенными. А читатели, хорошо знавшие раннее творчество писателя, будут ассоциировать знакомые образы с новыми.

Более того, существуют подобные и мужские образы, которые развивались в творчестве Солженицына в течение долгих лет. И, безусловно, имеет смысл понять художественную эволюцию героев, выявить моменты сходства и связей, на основе чего исследовать типологию героев. А. В. Урманов считает, что концепция Эроса Солженицына «складывалась и эстетически разворачивалась постепенно, от произведения к произведению. <...> важно не только вывести итоговую, окончательную “формулу” сложившейся концепции, но и увидеть ее в развитии, в процессе становления. Важно понять логику этой эволюции...» [Там же, с. 79].

Важен и плодотворен ранний творческий период писателя, т.к. в поэзии и в прозаических произведениях именно тех лет были созданы различные художественные образы, в них заложено художественное начало многих героев и творческой концепции автора в целом.

Вернемся к стихотворным произведениям. В «Лагерных стихах», именно в «Через две решетки» и «Отречении», читателям удалось познакомиться с образом женщины-жены, для которой характерно «самоотверженное и беззаветное служение мужу, полное подчинение ему, абсолютное самопожертвование, живое и заинтересованное участие в осуществлении его жизненных задач...» [Там же, с. 81]. Подобные образы напоминают героиню – Надю Нержину в романе «В круге первом», прототипом которой была Н. А. Решетовская.

Если учесть, что «Дороженька» определена автором как повесть в стихах, тогда «Отречение» резонно рассматривать как рассказ в стихах или фрагмент романа в стихах. Помимо исследования стихотворной особенности «Отречения» важно заметить в нем и качества прозы, воспринять его как воспоминание о тюремной

встрече лирического героя. Содержание произведения визуально разделено на три части: первая часть – пролог, вторая – развитие и кульминация, встреча героев в тюрьме; третья – эпилог. И в первой, и в последней части описано сложное чувство героя после встречи.

Как в романе, так и в стихотворениях автор выделил художественную деталь – обручальное кольцо на пальце героини. Это одновременно символизирует и знак любви героев, и тяжелую ношу супруги ээка в безнадежном, бесконечном ожидании при непростых социально-исторических условиях эпохи Сталина. В ношении и снятии кольца автору удалось не столько описать неловкость супругов в момент лагерной встречи, сколько показать невыразимое глубокое сожаление и внутреннее противоречие жены и мужа.

Образ обручального кольца представляется именно той тонкой гранью, которая находится между ожиданием и разводом героев. Отказ от ношения кольца многое означает для героини. Подобное позволяет окружающим не воспринимать ее как жену ээка и не узнать ее социальной статус, поэтому героине удастся избежать людского осуждения и недоброжелательной мысли. Это, таким образом, облегчит жизнь и в психологическом, и в житейском плане. А непостоянно видеть на пальце обручальное кольцо дает возможность героине отдохнуть от тяжелой думы; ей не столько хотелось избавиться от положения «жены ээка», сколько хотелось выжить, ведь чтобы сохранить семью, надо, прежде всего, сохранить себя.

Не зная финала лагерной участи, прекрасно осознавая непредсказуемость будущего и тяжесть положения жены в длительном ожидании, герой не мог быть безучастным в утешении своего любимого человека, мужские амбиции и супружеский долг не позволяли этого. Он обязан был поддержать решение об удалении женой кольца с руки, чтобы, в силу своих возможностей, максимально помочь ей; ведь единственное, что может сделать герой в лагере, – «настаивал, чтобы мы... развелись...» [9, с. 298].

В романе «В круге первом» для того, чтобы продолжать жизнь, необходимо было в документах значиться незамужней, поэтому героине предстояло развестись и скрываться в другом городе. Подобные события означают для героя «начало конца» [10, с. 222], которое и было описано в стихотворении «Отречение». Случившееся герой воспринимает не столько как неожиданный катастрофический удар и безутешную потерю, сколько как отчаяние из-за невозможности помочь жене изменить ситуацию к лучшему: «Сердце ленточкой не обернуть, как ларец,/ Не уснуть, не забыться до лучших времен./ Ты не знала ещё! Но я понял: *конец!*/ Это – он!» [Там же, с. 223].

Автор использовал типографские способы оформления текста как художественный прием, выделив слово «*конец*» курсивом, и в следующей строке использовал только два слова. В то же время, соответствуя стихотворной форме, двухсложная строка начинается с заглавной буквы, заканчивается восклицательным знаком: «Это – он!». Строка пронизана мощной эмоцией и своей компактностью выделяется в стихотворном тексте. Таким образом, автор акцентировал внимание на драматическом чувстве героя. И этот момент является кульминационным моментом в развитии чувств героя, разочаровавшегося долгожданной встречей.

В стихотворении подчеркнуто курсивом слово «*развод*». Требуется размышление об истинных причинах несчастья героев; необходимо понять, что именно структура социального устройства является виновником в расторжении брака героев. Таким образом, несчастье любви отражается не только на личной жизни героев, но и в социальном масштабе. Интересно заметить, что с развитием русского языка современным читателям доступно более широкое понимание смысла, что позволяет дополнить авторский замысел и почувствовать каламбур в этой строке, поскольку в переносном значении слова *развод* расширился в разговорном языке сегодняшней молодежи до значения *ложь и обман*.

В заглавиях произведений А. И. Солженицына часто встречается недосказанность. Названия предстают как многослойное смысловое авторское образование, развивающееся затем в последующих сюжетах. Заглавия требуют уточняющих атрибутов и определений, чтобы раскрыть причины и структуру формирования этих названий, понять недоговоренность, символику и метафоры.

Название стихотворения «Отречение» довольно многозначное. Приходится догадываться, размышлять: отречение *от чего?* Прочитав стихи, читатель понимает, что героиня готова отречься от тяжести, немощи и горя, от тех невыносимых ощущений, как будто притягиваемых обручальным кольцом, которые довлеют над ее жизнью. А для героя отречение, пожалуй, означает большее. Можно предположить, что лагерное свидание само по себе является отвлечением от повторяющего ежедневного режима в лагере. Увидев любимого человека, узнав ее жизнь, герой готов хотя бы на мгновение отречься от лагерной жизни. А после свидания герой никак не может забыть, отвлечься от каждой детали встречи, не может отречься от своей боли, досады и от злобы к «жандармскому корпусу Сталина!» [Там же]. Читатели все еще в недоумении: от чего и как отрекались герои? Ведь, сам герой был «...Поражен отреченьем твоим и своим» [Там же].

В «Отречении» и «Через две решетки» максимально соблюдается анапест как стихотворный размер, соответствуя стилю изложения. Реализация стихотворного метра дает возможность читателям воспринимать сюжет стихов как развивающуюся мысль лирического героя, как его внутренний монолог.

На самом деле в «Отречении» диалог между героем и героиней занимает небольшой объем. Реплики перемежаются с описанием психологического движения героя; как правило, они ускоряют развитие стихотворения. В репликах героев сохранился трехсложный анапест: «...В первый год/ Предлагал мне, ты помнишь, когда-то развод.../ А... – теперь?» [Там же, с. 222]. Сам речевой оборот является хорошей маскировкой героям, чтобы не создавать лишние поводы надзирателям, чтобы те не уловили так называемую подозрительную информацию из их разговора. Подобный стиль речи проявлен и в главе «Свидание» в романе «В круге первом»:

Глеб Нержин, «приглуша голос, успел спросить: – Сологдину, жену, – знаешь? Натренированная в таких оборотах, Надя успела перенестись: – да» [9, с. 300]. А в стихотворении анапест вместе с непривычным речевым поворотом усиливает медлительность и неловкость в специфическом стиле изложения речи героев.

Стихотворение насыщено различными стилистическими фигурами, которые создают художественную многогранность в восприятии произведения. Например, с помощью метафоры выражается негативное отношение к надзирателям: «...старшина/ С голубою погонной каймой. <...> Не небо над нами – / Вурдалак с голубыми крылами» [10, с. 222]. Старшина, эпизодический художественный образ, выступает как дьявольское начало; писатель вложил в его образ ненависть и враждебное чувство лирического героя к надзирателям, что создает намек на дурное предчувствие развода с героиней.

Чтобы создать тонкую психологию ээка и «жены ээка», чтобы выразить их незримый внутренний текст в почти безмолвном разговоре, писатель усилил роль звукописи и синестезии: «И тогда ты взметнула с мольбой/ Взгляд, как выкрик, как стон – пожалей! –/ И сказала с улыбкой совсем не твоей,/ Так легко, так легко.../ И – не голосом, а – губами...» [Там же]. Взгляд понят героем как выкрик, как стон, как огромное слуховое восприятие, а слова героини были тихими, едва слышными. Писатель создал большой контраст между внутренними бурными эмоциями героев и их внешним выдержанным спокойствием, между их внутренним горем и выражаемой ими неестественной улыбкой на лице. Услышав жалкий голос жены и ее решение о разводе, увидев ее бледное лицо, почувствовав, что она замучена роковым статусом «жены ээка», увидев ее беспомощность и ее хрупкий женский стан, требующий поддержки мужа, лирический герой вынужден был смириться с разводом. И вполне логично видим оголенную ненависть, вложенную в эпитеты последних строк второй части стихотворения: «...Но в папках засаленных/ Подшивает бумажки проклятая нежить – / Жан-дармский корпус Сталина!» [Там же, с. 223].

Заметим, что сюжеты рассматриваемых стихотворений, по большей степени, имеют сходство с затронутыми темами в романе «В круге первом», они являются существенными дополнениями к роману. Более того, они представляют новые ракурсы и новые возможности для постижения цельности художественного мира писателя. Заметим, в будущем читатели будут знакомиться с лагерным законом, описанным Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ»: «...обязывая суды по первому требованию разводить супругов, если один из них, вольный, хочет расстаться с половиной, находящейся в заточении. И он не устал повторять жене, что, при всей своей любви и нежности к ней, не хочет её закабалить... Но время для радикальных решений тогда ещё не пришло...» [8, с. 315].

Стихотворение «Три невесты» продолжает тему женской красоты и одиночества. Под пером писателя возникли образы трех женщин-невест, ждущих своих невозвращающихся женихов. Героини стихотворения – невесты, русские девицы, идеальные, обладающие женской красотой и достоинством, образованные девушки и умелые рукодельницы. Писатель сравнивал их с классическими образами: «Так милы мне были три голубки русые, –/ Блока белокрылого, Есенина смятенного,/ Бунина закатного, обдуманного Брюсова.../ Отцедил смолы янтарной Тютчева, Брызну зелья черного Ахматовой» [10, с. 240]. И светлые женские образы раскрываются в цветописии этих строк.

Стихотворение состоит из шести строф. В начальных пяти строфах писатель уделил основное внимание созданию образа героинь, и лишь в предпоследней строке шестой строфы появляется слово «одиночество», характеризующее состояние девушек. Это стало большим контрастом предыдущему содержанию. Писатель выразил ощущение холода лирического героя, его психологическую неловкость и смущение от состояния одиночества прекрасных невест. Герой был впечатлен их механической ловкостью в занятии рукоделием, как будто им совершенно неинтересна была окружающая среда и они старались найти душевное равновесие в любимом физическом труде, чтобы отвлечься от одиночества. И в очередной раз автор заставляет читателя выяснять для себя причину одиночества героинь.

Вспомним Агнию в романе «В круге первом», чье имя созвучно со словом «ангел»; образ символизирует чистую душу и безвинное поведение. Существуют многие девушки Солженицына, обладающие неприземленностью, несовременностью, которые ассоциируются с образами святых в древнерусской иконописи. И чаще всего поведение героинь соответствует высоким критериям женского поведения, которые сформированы веками в христианской традиции. Подобная несовременность также проявляется в лагерных стихах «Три невесты» и «Романс». В «Трех невестах» лирический герой, наблюдая вышивание трех невест, почувствовал, что в безмолвном ожидании девушек «это было так несовременно...» [Там же]. А в «Романсе» юноша влюбился в героиню, увидев святой девичий образ «как на картине, на иконе...» [Там же, с. 219]; для него это была яркая, впечатляющая девушка, и сам художественный образ является возвышенным.

Несовременность героинь – их необычный стиль поведения, непривычный современникам героев, – это внешнее проявление их внутреннего мира, проявление духовности. Стиль совместим с исконной православной религиозной эстетикой женской красоты, несмотря на то, что содержание стихотворений глубоко не касается темы религии. Однако автор создал героинь не как идеальные женские образы, а как героинь с непостоянной женской долей, находящихся в определенных исторических условиях. Не менее важно понять события жизненного пути героинь, причинившие им трудность и смущение, чтобы увидеть происходящее в данный момент события глазами героев и, таким образом, понять, в каком душевном состоянии героини находятся, соответственно понять их нынешнее поведение.

Стихотворение «Романс» посвящено Анне Бреславской (в тексте посвящения указаны только инициалы А. Б.), являющейся прототипом художественного образа Любы в драме «Олень и шалашовка» (первоначальное

авторское название пьесы – «Республика труда», драма также посвящена Анне Бреславской); стихи были сочинены в 1947 г., через семь лет после «Оленя и шалашовки».

В «Романсе» представлен рост героини; ее судьба была разделена на разные жизненные этапы. Она была «дочь мужика» [Там же, с. 216], девушка, женщина; была подруга-невеста юноши, подруга-сестра зрелого мужчины и, наконец, женщина, чья судьба ассоциируется с судьбой России: стоит обратить только внимание на жизненные невзгоды героини и на трагическую историю России.

В первых четырех строфах рассматривается юность лирической героини. Героиня – из зажиточной крестьянской семьи, в судьбе ее отца угадываются автобиографические сюжеты «Дороженьки», касающиеся прототипа Захара Фёдоровича Щербака – деда писателя со стороны матери: «Начавши с ничего и снова став ничем,/ Всё потеряв – детей, стада, именье...» [Там же, с. 45]. Судьба героини довольно символична. В ее жизни изначально было заложено некое злосчастье, героиня была названа «цветком призывного греха...» [Там же, с. 216]; затем предчувствуется начало ее мученичества: «...снег мелькучий,/ Пред вахтой рваную толпу/ – И тень от провол'ки колючей/ Терновым венчиком на лбу» [Там же]. Происхождение героини и перемены в ее жизни ассоциируются с событиями, происходившими накануне и во время революции. И находясь в «рваной толпе», достигая душевной близости с героиней, герой восхищался ее женской чистотой и возвышенностью.

Лирический герой был поражен перипетиями судьбы героини. Лишившись богатого быта, искупив прошлое нежностью и юной красотой, многострадающая и склонная к самопожертвованию героиня не потеряла «щедрый пыл» [Там же, с. 217]; и с горечью герой сочувствовал ей, как сестре. Оставив юность позади, пройдя через непростую жизнь, герой воспринял героиню больше, чем женщину, ценил ее как достойную зрелую личность. И так, несмотря на тяжелую женскую долю, лирическая героиня всегда была любимой и любящей своих близких и родных.

Прочитав стихотворение, снова обратимся к его названию. Слово «романс» – термин, обозначающий вокально-поэтическое произведение с музыкальным сопровождением, преимущественно «лирическое произведение, строфическое, со стихами средней длины, с характерной напевной интонацией...» [3, с. 333]. И название «Романс» подсказывает, что в стихах писателем использованы особенная стихотворная ритмика и метрика.

Заметим, что постижение ритмики и схемы рифмовки стихов А. И. Солженицына требует неоднократного чтения и перечитывания с большой внимательностью. К счастью, в этом случае аудиозапись авторского чтения позволяет уточнить ударение слогов и расшифровать ритм стихов [11]. Важно понять, как сюжет стихотворений сочетается с их структурой; например, понять такие важные моменты, как является ли стихотворение белым стихом, в чем заключаются новинки и отличие стихов, почему автор именно использовал двухсложный, а не трёхсложный размер в стихах или почему, наоборот, не использовал?

Вернемся к «Романсу». При советской власти, при Сталине романс как художественное произведение подвергался гонениям как пережиток царских времен, вредный для строителей социалистического будущего. Так изначально в название стихотворения был вложен мотив прошедших времен, что дополняло лирическое настроение.

Стихотворение состоит из 7 строф, 30 строк. Первая и последняя строфы состоят из пятистиший, остальные – из четырехстиший. В стихах доминирует перекрестная рифма. Со второй по пятую строфу нечетные строки объединены женской клаузулой, а четные строки – мужской клаузулой. В шестой строфе рифмующиеся строки расположены иначе, чем в предшествующих: первая, вторая, четвертая строки – женская, остальные – мужская клаузула.

«Да, я любил тебя!» – первые строки из первой и последней строфы частично повторяются. Помимо подчеркивания любви лирического героя к героине повторение строки усиливает эмоции героя, что именно «судьбу России я любил...» [10, с. 217], и, таким образом, стихотворение было и содержательно, и композиционно завершено. Более того, также заканчиваясь мужской клаузулой, ритм первой строки первой и последней строф по большей степени совпадает с ритмом второй строки. И так были объединены все строки стихотворения как единое дыхание.

Стихотворение написано преимущественно как четырехстопный ямб, несмотря на то, что в некоторых строках, написанных дибрахием, пропадают ударные слоги; в каждом строке четвертые и восьмые слоги постоянно являются ударными слогами, служащими как дежурные ударения. Под термином «дежурное ударение» мы понимаем неизменное, постоянное ударение внутри стиха, внутри строки. Такой способ соответствует напевности романса.

Интересно заметить, что дежурные ударения в стихотворных произведениях Солженицына играют огромную роль. Возьмем в качестве примера стихотворение «Три невесты», чтобы рассмотреть отмеченные ниже ударные и безударные слоги в стихах:

|  |                            |
|--|----------------------------|
| И куда, бывало, шаг я ни направлю,       | -- ' - ' - ' - ' - ' - ' - |
| Сам не помню как, оказывался вместо –    | ' - ' - ' - ' - ' - ' -    |
| В комнате, где девушки из Ярославля,     | ' - ' - ' - ' - ' - ' -    |
| Жили три учительницы, жили три невесты.  | ' - ' - ' - ' - ' - ' -    |
| Там висели зайчики смешные на стене,     | ' - ' - ' - ' - ' - ' -    |
| В безделушках девичьих цвела душа живая, | -- ' - ' - ' - ' - ' - ' - |
| Над мотками розовых, зелёных мулине      | ' - ' - ' - ' - ' - ' -    |
| Девушки склонялись, вышивая.             | ' - ' - ' - ' - ' - ' -    |

|  |   |
|--|---|
| Это было так несовременно,<br>Так милы мне были три головки русые, –<br>Блока белокрылого, Есенина смятенного,<br>Бунина закатного, обдуманного Брюсова, –                   | ' _ ' _ ' _ ' _<br>' _ ' _ ' _ ' _ ' _<br>' _ ' _ ' _ ' _ ' _<br>' _ ' _ ' _ ' _ ' _        |
| Я метал им всё, что помнил только лучшего,<br>Голову в жару свою охватывая,<br>Отцедил смолы янтарной Тютчева,<br>Брызнул зелья чёрного Ахматовой.                           | -- ' _ ' _ ' _ ' _<br>' _ ' _ ' _ ' _ ' _<br>-- ' _ ' _ ' _ ' _<br>' _ ' _ ' _ ' _ ' _      |
| Клеткам счёт не потеряли, и на горле выемов<br>Не поправили, и нити брали – те;<br>Я списать не дам ли песенку из фильмов, –<br>Лишь одна спросила в простоте.               | ' _ ' _ ' _ ' _ ' _<br>-- ' _ ' _ ' _ ' _<br>' _ ' _ ' _ ' _ ' _<br>' _ ' _ ' _ ' _ ' _     |
| Иглы быстрые мелькали так же почаству,<br>Пальцы ловкие скользили по канве...<br>И холодную, блестящую корону одиночества<br>Я в ознобе ощутил на голове [Там же, с. 240]... | ' _ ' _ ' _ ' _ ' _<br>' _ ' _ ' _ ' _ ' _<br>-- ' _ ' _ ' _ ' _ ' _<br>' _ ' _ ' _ ' _ ' _ |

Заметим, что структура стихотворений у писателя разная. Часто в стихах отсутствует строгий единый стихотворный размер, и в одной и той же строфе наблюдается свободное изменение длины стопы. Однако существуют стопы с неизменяемым количеством слогов, служащие как главные, пронизывающие все стихи, и второстепенные стопы, которые корректируют, дополняют ритмическую структуру стихотворения.

В стихах постоянно прослеживаются дежурные ударения на определенных по количеству слогам, и эти ударения дают фиксацию в восприятии. Они не только позволяют ориентировать на ритмическое чтение, но и выполняют содержательную и структурную функцию. Таким образом, использование четырехсложных стоп в «Трех невестах» позволяет усилить также ритм развивающейся мысли лирического героя, который раскручивается вместе с ритмом вышивания наблюдаемых им героинь.

В структуре сборника «Лагерные стихи» стихотворения «Вот и воли клочок. Новоселье...» и «Под духмяной, дурманящей сенью джиды...» следуют друг за другом. Стихотворения были написаны в 1953 г. в ссылке в Казахстане. В этих произведениях наблюдается значительное сходство в содержании: в объемах и сюжетах, в художественных приемах и пафосе.

В феврале 1953 г. окончился срок заключения А. И. Солженицына, из Экибастуза он был сослан в Кок-Терекский район Джамбульской области. Как на глазах у писателя, так же и на глазах у лирического героя начинается новый период жизни – не тюремный и не лагерный; и ожидание изменений было немедленно подчеркнуто в первой строке словом «новоселье»: «Вот и воли клочок. Новоселье/ В бурой степи и голых стенах» [Там же, с. 238]. Во второй приведенной строке ясно заметен иронический поворот в судьбе героя, ведь его ожидает не менее суровое жизненное испытание, чем в тюрьме и в лагере; и тут увидим оксюморон в первом четверостишии первого стихотворения, где сочетаются несовместимые понятия: новоселье – голые стены.

Во втором стихотворении, «Под духмяной, дурманящей сенью джиды...», перед глазами читателей развернулась пейзажная картина ссыльного места в отдаленном краю. Можно примерно определить, что действие происходит летом: «В эту зарось колючих кустов джидгиля,/ Так обманчиво пахнувших нашей сиренью...» [Там же, с. 239]. Однако, прочитав стихотворение, увидим серость и одиночество в глубине души лирического героя.

В двух произведениях изложена тема любви и одиночества, продолжающая одну из наиболее важных тем в произведениях А. И. Солженицына – тему выбора. На этот раз героям предстояло выбрать между любовью и свободой: выбрать или сытую жизнь, но жить, отвергая сердечные порывы, или, как голодный холостяк, с трезвым умом, не изменить принципам перед соблазном любви. Здесь в стихах исследовался вопрос принципиальности и веры героя; и свобода, прежде всего, касается внутренней независимости свободной личности и ее свободного мышления. Герой, отказавшийся от заманчивой любви с комсомолкой, смирился с жизненными испытаниями. В стихотворении «Вот и воли клочок...» герой сравнивается с монахом-отшельником, дорожающим свободой, а в «Под духмяной, дурманящей сенью джиды...» он сравнивается с одинокой цаплей.

В указанных стихотворениях косвенно узнаем, что для идеальных женских образов А. И. Солженицына важны и «непреклонность», и «верность», и «стан» [Там же, с. 238]. Писателю и лирическому герою принципиально важны и внутренние качества героинь, и гармония их сочетания с внешней красотой. И образ женщины-комсомолки – образ, противоречащий классическим женским образам в русской литературной традиции. Образ имеет отрицательный оттенок с иронией, показывая легкомысленное любовное развлечение героев. В сопоставлении с тяжелейшими каторжными испытаниями любовь с комсомолкой является незначительной; и, вспоминая каторжные будни, лирический герой задает риторический вопрос: «Мог забыть я опухших больших доходяг?/ И расстрел? и трех тысяч три дня голодовку?» [Там же, с. 239]. Очевидно, что тут ощутимо знаменитое заключение в рассказе «Один день Ивана Денисовича»: «Таких дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три. Из-за високосных годов – три дня лишних набавлялось...» [13, с. 114].

Таким образом, темы, раскрытые в серии лагерных стихов, связаны с лагерным испытанием героев и их восприятием и осмыслением пережитого в эти долгие мучительные периоды. Эти герои являются типичными героями Солженицына, например, такие как Иван Денисович в рассказе «Один день Ивана Денисовича», Нержин

в романе «В круге первом», Костоготов в «Раковом корпусе». Однако в лагерных стихотворениях образы и психология героев раскрыты в лаконичном виде, хотя и насыщены художественными деталями и приемами.

В силу особенностей лирики как рода литературы стихотворения А. И. Солженицына тонко и эмоционально раскрывают тему любви и связанные с ней образы женщин, хотя в произведениях писателя преобладают мужские образы. Женские характеры, выступающие как одна из ипостасей русского национального характера, существенно дополняют оригинальный художественный мир писателя. Судьбы героев тесно связаны с лагерным опытом писателя и событиями, происходившими в России.

Тема любви в лагерных стихах Солженицына касается не только взаимных симпатий мужского и женского пола; это широкая тема, которая тесно связана с отечественной историей и русской ментальностью. Она открывает новые ракурсы, которые позволяют читателям проследить не только испытания лирических героев и самого автора, но и, самое главное, почувствовать их тонкую психологию и внутренний мир, понять причины их радости и гнева, переживаний и разочарований. Чувство любви, которым пронизаны стихотворения, часто является частью предыстории в прозаических произведениях. Любовь выступает как яркое проявление целостного мироощущения русского человека. Понять чувства героев – значит сделать первый шаг к постижению причин их поведения и выбора в определенных случаях, к пониманию ценностных критериев русских людей.

Глубокому раскрытию поэтики любви подчинены структурно-поэтические особенности ранней поэзии писателя: ритм, метрика, шрифтовые выделения, различная длина строк, повтор наиболее значимых слов, мелодика стиха.

Любовная тема в стихотворениях А. И. Солженицына в гораздо большей степени насыщена эмоциональными чувствами, чем в прозе, не только благодаря особенностям жанра поэзии, но и ярким поэтическим приемам А. И. Солженицына, унаследованным от русских классических писателей и обогащенным новаторством самого писателя.

#### *Список литературы*

1. **Васюточкин Г. С.** «Дороженька» Александра Солженицына [Электронный ресурс] // Васюточкин Г. С. На перевале тысячелетий: страницы публицистики. СПб.: Изд-во Александра Сазанова, 2011. URL: [http://www.solzhenitsyn.ru/otvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT\\_ID=1476](http://www.solzhenitsyn.ru/otvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1476) (дата обращения: 15.07.2016).
2. **Гаркавенко О. В.** Мотив покаяния в поэме А. И. Солженицына «Дороженька» // Филологические этюды. Саратов, 2001. Вып. 4. С. 106-109.
3. **Литературный энциклопедический словарь** / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
4. **Немзер А. С.** В начале: изданы ранние сочинения Александра Солженицына [Электронный ресурс]. URL: [http://www.ruthenia.ru/nemzer/isaich\\_rannij.html](http://www.ruthenia.ru/nemzer/isaich_rannij.html) (дата обращения: 15.07.2016).
5. **Нива Ж.** Солженицын. М.: Худож. лит., 1992. 191 с.
6. **Николсон М.** «Да где ж ты была, Дороженька?»: жанровые поиски Солженицына в 40-50-е годы [Электронный ресурс] // Путь Солженицына в контексте большого времени: сб. памяти: 1918-2008. М.: Рус. путь, 2009. URL: [http://www.solzhenitsyn.ru/otvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT\\_ID=1188](http://www.solzhenitsyn.ru/otvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1188) (дата обращения: 15.07.2016).
7. **Официальный сайт А. И. Солженицына** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.solzhenitsyn.ru> (дата обращения: 15.07.2016).
8. **Сараскина Л. И.** Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2009. 959 с.
9. **Солженицын А. И.** В круге первом. М.: Азбука-классика, 2014. 800 с.
10. **Солженицын А. И.** Дороженька. М.: Вагриус, 2004. 415 с.
11. **Солженицын А. И.** Дороженька. Стихи тюремно-лагерных лет (авторское исполнение) [Электронный ресурс]. 2010. CD-ROM.
12. **Солженицын А. И.** Протеревши глаза. М.: Изд-во «Наш дом – L'Age d'Homme», 1999. 368 с.
13. **Солженицын А. И.** Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2006. Т. 1. Рассказы и Крохотки. 672 с.
14. **Урманов А. В.** Художественное мироздание Александра Солженицына. М.: Русский путь, 2014. 624 с.
15. **Щедрина Н. М.** «Красное колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 336 с.

#### LOVE POETICS IN A. I. SOLZHENITSYN'S PRISON CAMP POETRY

**Bai Yan**

*Tambov State University named after G. R. Derzhavin  
missingapril@yeah.net*

The article analyzes the theme of love in the collection of poetry by A. I. Solzhenitsyn "Prison – prison camp – exile poetry" (1947-1953). The author examines the traditional for the Russian classical literature means to create female images in correlation with the principles of A. I. Solzhenitsyn's artistic esthetics. The paper shows the innovative techniques to develop the theme of love, describes the specifics of versification of writer's early poetry, identifies the thematic interrelations of prison camp poetry with A. I. Solzhenitsyn's prosaic creative activity.

*Key words and phrases:* collection of poetry by A. I. Solzhenitsyn "Prison – prison camp – exile poetry"; theme of love; female images; lyric heroes' worldview; rhythm and meter of writer's early poetry; Russian national character in A. I. Solzhenitsyn's poetry and prose.